

ВОИН

КРИСТОФЕР КЛЭРИ

ВОИН

РАФАЭЛЬ НАДАЛЬ
И ЕГО ГРУНТОВОЕ ЦАРСТВО

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва

УДК 796.342:929(460)
ББК 75.577
К51

CHRISTOPHER CLAREY
THE WARRIOR: Rafael Nadal and His Kingdom of Clay

Клэри, Кристофер.

К51 Воин. Рафаэль Надаль и его грунтовое царство / Кристофер Клэри ; [перевод с английского Я. А. Писарева]. — Москва : Эксмо, 2025. — 480 с.

ISBN 978-5-04-221031-0

РАФАЭЛЬ НАДАЛЬ — ОДИН ИЗ ВЕЛИЧАЙШИХ ТЕННИСИСТОВ В ИСТОРИИ.

Он настоящий символ упорства и бесконечной работы над собой.

Погрузитесь в увлекательную историю жизни Рафаэля Надаля и узнайте, как жить с полной отдачей, держать удары и идти вперед, не смотря ни на что!

УДК 796.342:929(460)
ББК 75.577

Copyright © 2025 by Christopher Clarey
© This edition published by arrangement
with Grand Central Publishing, a division
of Hachette Book Group, Inc., USA. All
rights reserved
© Писарев Я. А., перевод на русский
язык, 2025
Фото на обложке: © Shaun Brooks /
Legion-media
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-221031-0

Посвящается Иржини.
За Париж. За Севилью. За все

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 1: ПАМЯТНИК	8
ГЛАВА 2: КОДЕКС	24
ГЛАВА 3: ОРУЖИЕ	50
ГЛАВА 4: ПОЛОТНО	68
ГЛАВА 5: ВИЗИТ	99
ГЛАВА 6: LA PRIMERA	107
ГЛАВА 7: ПРЕДШЕСТВЕННИКИ	131
ГЛАВА 8: РАЗГРОМ	155
ГЛАВА 9: СЕНСАЦИЯ	180
ГЛАВА 10: ОСНОВАТЕЛИ	206
ГЛАВА 11: НАПАДКИ	229
ГЛАВА 12: КЛАССИКА	256
ГЛАВА 13: ЯЗЫК	288
ГЛАВА 14: РИТУАЛЫ	299
ГЛАВА 15: ЗАСУХА	308
ГЛАВА 16: LA DECIMA	328

ГЛАВА 17: КОРОЛЕВСТВО	350
ГЛАВА 18: ОСЕНЬ	374
ГЛАВА 19: LA ULTIMA	400
ГЛАВА 20: КОЛЬЦА	424
ТИТУЛЫ НАДАЛЯ НА ТУРНИРАХ БОЛЬШОГО ШЛЕМА	454
БЛАГОДАРНОСТИ	458
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	463
ОБ АВТОРЕ	476

ГЛАВА 1 ПАМЯТНИК

Рафаэль Надаль впервые за двадцать лет не играл на «Ролан Гаррос», но все равно привлекал публику.

Когда тысячи любителей тенниса стекались к началу Открытого чемпионата Франции 2023 года через центральные ворота, спускаясь по широкому пролету каменной лестницы, многие из них останавливались сделать первое селфи у сияющей трехметровой статуи застывшего в воздухе в игровом моменте Надаля.

Она стояла там прямо по центру, казалось, попирая физические законы и все на свете правила и протоколы, исключительно благодаря силе воли и математике.

Зачем увековечивать *испанца* в святая святых французского тенниса? Зачем воздвигать статую действующего чемпиона (она была открыта в 2021 году)? Но на самом деле вопрос таков: «Можно ли было себе представить, что кто-то окажется настолько стабильным, чтобы выиграть самый физически тяжелый и даже изнурительный турнир в этом виде спорта целых четырнадцать раз?»

«Для меня это самый поразительный рекорд в истории индивидуальных видов спорта, — говорит друг Надаля Фе-

лисиано Лопес, еще один звездный игрок из Испании. — Выиграть турнир Большого шлема — это мечта любого теннисиста. Выиграть один и тот же турнир Большого шлема четырнадцать раз — о таком даже не мечтают. Это безумие».

Несмотря на распространенное мнение о его скромности, Рафаэль «Рафа» Надаль не так уж и против культа Надаля. Зайдите в Музей Рафы Надаля, открытый еще до окончания его карьеры в Академии Рафы Надаля в его родном городе Манакоре, и вы получите полноценную дозу самовосхваления, которая идет вразрез с имиджем Надаля-скромняги.

Но эту статую на «Ролан Гаррос» он никогда не просил. Просто цифры его достижений стали настолько невероятными, что логичной реакцией было сооружение чего-то колоссального. Французам, которых редко можно обвинить в недостатке шовинизма, пришлось смириться с неизбежностью Надаля.

«Так и есть, хотя я не люблю это говорить, но мои достижения в Париже — нечто очень-очень особенное, — говорит Надаль. — Я благодарен, и я понимаю значимость этого жеста. Я достиг того, что было очень сложно вообразить».

В результате теперь и сам он, и его рекорды — неотъемлемая часть ландшафта «Ролан Гаррос». Этот впечатляющий монумент, созданный испанским художником Жорди Диасом Фернандесом, стал настоящим местом паломничества. Это не Лувр. Тут нет барьеров, нет бархатных канатов, нет никакой сигнализации. Турнир приглашает тебя подойти к искусству очень близко. Я видел, как болельщица ради фотографии целует нержавеющую ногу Надаля и как многие другие любители тенниса рычат, имитируя запечатленный в статуе хлесткий форхенд с характерным для испанца завершением удара.

Среди собравшихся вокруг памятника был Кевин Ву, юный любитель тенниса из Америки, которому на окончание университета родители подарили билеты на Открытый чемпионат Франции.

”

ДЛЯ МЕНЯ ЭТО САМЫЙ
ПОРАЗИТЕЛЬНЫЙ РЕКОРД
В ИСТОРИИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ
ВИДОВ СПОРТА.

“

«Думаю, он заслужил этот памятник, потому что выиграл этот турнир *столько* раз, — говорит Ву. — У меня есть ощущение, что это турнир Рафы».

Безусловно, это был его турнир, но и покрытие тоже. Измельченный красный кирпич на Открытом чемпионате Франции и в других вотчинах Надаля, таких как Монте-Карло, Барселона и Рим, шершавый, липкий и коварный. Это широкое грунтовое полотно, которое разглаживают в конце каждого сета, подсвечивает все недостатки дилетанта и того, кто поздно пришел в теннис, и в то же время вознаграждает ветерана, особенно хорошо умеющего скользить, выросшего на таком покрытии.

Для Надаля грунт — то же самое, что вода для Майкла Фелпса и воздух для Симоны Байлз: естественная среда, подходящая для серийных успехов. Парадоксально, но грунт не был любимым покрытием Надаля в юности, но был и навсегда останется лучшим покрытием для него.

В июне 2023 года я вернулся к истокам и поехал на корты, где Надаль играл еще мальчишкой. Я на несколько дней улетел из Парижа во время Открытого чемпионата Франции на юг, на Мальорку, повзбивать красную пыль на скромном стадиончике на окраине его родного Манакора, где Рафа начинал. Гуляя по пыльным коридорам и раздевалкам теннисного клуба Манакора, который видал времена и получше, ты невольно думаешь: «Какова была вероятность того, что отсюда, прямо отсюда, выйдет великий чемпион?»

Конечно, она была невелика, но, видимо, все-таки чуть побольше, чем можно бы было подумать, если учесть, что совсем незадолго до Надаля с Мальорки, острова с населением меньше миллиона человек, вышел еще один теннисист номер 1 в мире, Карлос Мойя. Над кортами манакорского клуба возвышался выцветший баннер с изображением двух местных ребят, добившихся успеха.

«Это как если бы Род-Айленд выдал двух первых ракеток мира друг за другом», — говорит Джеймс Блейк, знаменитый американский теннисист, который теперь работает аналитиком на канале ESPN.

Чтобы у Надаля все получилось, должно было сойтись многое: один дядя, Тони, который знал теннис и жил с его семьей; еще один дядя, Мигель Анхель, который был спортсменом мирового уровня; родители, Себастьян и Ана Мария, понявшие, когда нужно не мешать; образец для подражания в лице Мойи, который сделал это возможным; агент и временами спарринг-партнер в лице Карлоса Косты, и, самое главное, юноша, чей темперамент идеально подходил к его особому таланту и плещущей через край энергии.

«Это идеальный шторм», — говорит Эмилио Санчес, бывшая звезда тенниса из Испании, а ныне тренер.

Сбить Надаля с курса могло многое: травмы, семейные отношения, футбол, большие деньги, внутренняя опустошенность, давление, манящая лазурь Средиземного моря — ведь она так близко, будто другой мир в сравнении с перепачканными глиной носками, банданами в пятнах пота и необходимостью ежедневно жертвовать многим ради тенниса.

Какой же была вероятность?

Помню, подобные мысли посетили меня во время поездки в Копаоник, скромный горнолыжный курорт в Сербии, где Новак Джокович, один из будущих сверхпринципиальных соперников Надаля, взял свой первый урок тенниса буквально через дорогу от семейной пиццерии, почти так же, как Надаль взял первый урок у дяди Тони через дорогу от квартиры в Манакоре, где жила его семья.

Когда я ступил на этот сербский корт с потрескавшимся и неухоженным хардом в 2010 году, представить любой другой результат было проще простого. В семье Джоковича других серьезных теннисистов не было — только лыжники-профессионалы. Если бы именно в этом месте не были когда-то построены эти корты и если бы харизматичная Елена Генчич, тренер по теннису с удивительным умением распозна-

”

ДЛЯ НАДАЛЯ ГРУНТ —
ТО ЖЕ САМОЕ, ЧТО ВОДА
ДЛЯ МАЙКЛА ФЕЛПСА И ВОЗДУХ
ДЛЯ СИМОНЫ БАЙЛЗ:
ЕСТЕСТВЕННАЯ СРЕДА,
ПОДХОДЯЩАЯ ДЛЯ СЕРИЙНЫХ
УСПЕХОВ.

“

вать талант, не выбрала именно то лето для запуска проекта обучения на этих затерянных в сербских горах кортах, Джокович ни за что не начал бы играть так рано и не получил бы серьезную базовую подготовку, необходимую для будущего теннисиста-профессионала.

Но голубоглазая Генчич с нюхом на большие таланты оказалась именно там, готовая вести Джоковича в неведомые края, хотя такого в ее планах изначально не было. Юноша с непослушными волосами появился в самом подходящем месте в самое подходящее время для начала космического путешествия на самый верх, несмотря на войну, экономические трудности и изоляцию.

Есть ощущение, что, дабы как следует узнать Надаля, надо идти по его стопам, потеть и страдая: делать больше, чем нужно, даже в выходные. В процессе написания этой книги меня затянули ритуалы в стиле Рафы — гулять рано утром, молоть кофе, дышать глубоко, чтобы не думать о финишной черте. Есть манера действовать. А есть манера написания текста, своя для каждой книги. Чем больше ты узнаешь о Надале, тем меньше ты хочешь идти простым путем, тем больше хочешь непростых в решении задач и необходимости расчищать путь. Книгу о Роджере Федерере лучше всего писать в состоянии потока, как я и делал с книгой «Мастер», выдавая страницу за страницей. Когда ты пишешь про Надаля, то чувствуешь, будто тебе необходимо ощущать это напряжение, чувствовать жжение, пока повествование выстраивается кирпичик за кирпичиком, а тебе даже приходится по-надалевски подтягивать спортивные штаны, чтобы на ноутбуке все получилось так, как нужно.

Задолго до появления на кортах Надаля я ездил в другую часть Испании — сонный Монсон в провинции Арагон — и провел пальцами по стене фабрики, где Кончита Мартинес влюбилась в теннис и его ритмы. Не одну теннисную карьеру начали стены, и маленькая стеснительная «Кончи» часами долбила мячом об эту стену. Вскоре она показала такой потенциал, что ее семья со скудными ресурсами и без теннисных знаний была вынуждена принять сложнейшее реше-

ние — отпустить ее тренироваться в Барселону в возрасте двенадцати лет. В итоге она стала первой испанкой, выигравшей Уимблдон, обыграв в 1994 году в финале стареющую королеву травяных кортов Мартину Навратилкову. Затем Мартинес стала капитаном сборной Испании в Кубке Дэвиса и руководила Надалем и его партнерами по команде.

«Конечно, есть и элемент удачи, но я думаю, что главное — страсть к тому, чем ты занимаешься, и наслаждение самим процессом, — рассказывает Мартинес. — Помню, я просто брала ракетку и не хотела выпускать ее из рук, и я уверена, что у Рафы была страсть к теннису, страсть учиться и продолжать совершенствоваться. Вот такой ключ к успеху. Конечно, Рафа — чемпион другого уровня, и то, чего он уже достиг, это его сон наяву. Но если оглянуться назад, на пройденный путь, это просто вау! Когда ты делаешь первые шаги по этой дороге, ты понятия не имеешь, куда она тебя приведет».

Возьмем еще одну, гораздо более далекую мою поездку на окраину Хараре в Зимбабве, на семейную ферму авокадо, которая на самом деле была семейной теннисной фабрикой. Ее владельцем был седеющий, часто ходивший босиком персонаж по имени Дон Блэк, который когда-то в молодости играл на Уимблдоне и жил этими воспоминаниями настолько, что решил построить «свой маленький Уимблдончик» в африканской глуши и выращивать там своих собственных чемпионов.

Один за другим он соорудил и тщательно поддерживал четыре травяных корта, повесив на заборе табличку с той же цитатой из стихотворения Редьярда Киплинга «Если», которая написана над выходом на центральный корт Уимблдона для игроков: *If you can meet with triumph and disaster / And treat those two impostors just the same* («Равно встречай успех и поруганье, / Не забывая, что их голос лжив»).

У Дона и его жены Велии было трое детей — Байрон, Уэйн и Кара — и все трое, несмотря на политические бури, сотрясающие их родину, в итоге дошли до игры в профессиональном туре, и что наиболее символично, — на Уимблдоне. И Байрон, и Кара в свое время становились первой ракеткой

в мировом рейтинге парных игроков, и хотя ни один из них так и не смог в полной мере реализовать мечту Дона о победе в мужском или женском одиночном разряде во Всеанглийском клубе, они все же прекрасно проявили себя. Кара выиграла юниорский турнир в 1997 году и микст с Уэйном в 2004 году. Байрон доходил до четвертьфинала в одиночном и до финала в мужском парном разряде.

Их судьбу определила агрономия.

Какой же была вероятность?

Надаль, как я понял из наших многочисленных бесед на протяжении многих лет, не сильно много времени и энергии потратил на обдумывание этого вопроса.

Это одна из его фирменных сильных сторон: способность оставаться в моменте. Долгое время она была задачей каждого теннисиста, но постоянно ускользала еще задолго до века соцсетей и стриминговых сервисов. Надаль научился фокусироваться на самом необходимом благодаря рутинным действиям и ритуалам, научился упрощать сложное через силу привычки. Но здесь сошлись и природное, и привитое через воспитание. Возможно, Надаль расцветает, если он сталкивается с вызовами, настоящими или воображаемыми,

но он не погружен в раздумья постоянно. Его колоссальная нервная энергия и дух соперничества несли его вперед, и даже если он и пытался докопаться до сути дела, изогнув бровь, ценность воспоминаний была невелика (только если

” КОГДА ЛЮДИ СПРАВЕДЛИВО ГОВОРЯТ О ТОМ, ЧТО НАДАЛЬ — ЧЕЛОВЕК ПРИЗЕМЛЕННЫЙ, ЗДЕСЬ И ЕСТЬ ЕГО ЗЕМЛЯ. “

вы не продаете билеты в музей его имени). Единственное, что может иметь значение сейчас, когда ты кроссовкой убираешь грунт с задней линии, поправляешь волосы за ухом, смахиваешь пот с лица и бросаешь, бросаешь мяч в землю, это то очко, которое сейчас будет разыгрываться.

А второй важный элемент здесь — то, что корни Надаля — это не просто его корни. Они — его настоящее. Ему не нужно делать ностальгическое паломничество в скромную точку,

с которой все началось, — лететь из континентальной Испании или дальше от дома со съемочными группами и летописцами в Манакор (население 43 000 человек), к этим грунтовым кортам на его краю. Мимо них он проезжает постоянно, хотя и редко останавливается. Рядом находится названная в его честь современной теннисная академия. Квартиры его детства в Манакоре расположены еще ближе, а его новый дом мечты на вершине холма с причалом для катеров в стиле бондианы, вырезанным в скалах внизу, построен в Порто-Кристо, курортной деревеньке всего в двенадцати километрах от Манакора, куда уже многие годы ездит отдыхать клан Надалей.

Когда люди справедливо говорят о том, что Надаль — человек приземленный, здесь и есть его земля. Он родился в Манакоре, вырос там, и за исключением неоднозначного года, проведенного в интернате в столице острова, Пальма-де-Мальорке, он так и остался жить в Манакоре, женился на местной — Марии Франсиске Перельо — и остался местным: обычно он как можно быстрее возвращается домой после теннисных разъездов, принеся ему известность далеко за пределами родного острова. Когда он был подростком, то переехал с родителями и младшей сестрой Марибель в многоквартирный дом в центре Манакора, — там же поселились его бабушка с дедушкой и семья Тони Надаля, при этом каждое поколение и каждая семья получили отдельный этаж. Это здание находилось на одной из главных площадей Манакора, где стоит главная церковь, которую так четко видел Надаль со своего балкона. Выйдя за дверь, он оказывался в уютной обстановке в окружении знакомых лиц, соседей и владельцев магазинов, с которыми вежливо здоровался. Хвастовство и бахвальство здесь не приветствовались. Такой же всеобъемлющий принцип равенства прав и обязанностей он привносил и в теннисный мир, воссоздавая ощущение деревни на площадках турниров в Монте-Карло, Риме и «Ролан Гаррос».

Но домом его оставалась Мальорка. Его история там началась, там продолжилась и наверняка закончится тоже там. Для Надаля, человека, ценящего последовательность и пре-